

ANDY SMITH

ДВОР
СЕМИ
ГРЕХОВ

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ

Andy Smith

Двор семи Грехов

«Литнет»

2026

Smith A.

Двор семи Грехов / А. Smith — «Литнет», 2026

Кэйра Вейн — идеальный инквизитор с «нулевым» эмоциональным ядром. Восемь лет она живет в абсолютной внутренней пустоте, подавляя любые чувства во имя долга. Ее новое задание смертельно опасно: проникнуть в обитель врага — загадочный Двор Похоти — и найти древний артефакт, угрожающий всему миру. Кассиан Ро — Лорд Двора Похоти. Двести лет он сводит с ума окружающих и сам страдает от чужих желаний, которые вынужден слышать каждую секунду. Но Кэйра для него — долгожданная, абсолютная тишина. То, что он никогда не сможет прочитать. То, что начиналось как холодная шпионская миссия, превращается в игру, где ставки растут с каждым днем. За кулисами Дворов плетутся политические заговоры, а наставник Кэйры ведет собственную, жестокую партию. Теперь идеальному инквизитору предстоит сделать невозможный выбор: остаться безвольным оружием в руках системы или шагнуть навстречу запретным чувствам, чтобы разрушить мир лжи до основания.

© Smith A., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Оглавление	5
Пролог. Протокол допроса № 1	7
Глава 1. Задание	9
Глава 2. Граница	13
Глава 3. Первая встреча	16
Глава 4. Правила Двора	19
Глава 5. Что ты чувствуешь?	22
Глава 6. Допрос № 2. Лира	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Оглавление

Пролог — Протокол допроса № 1
<i>АКТ ПЕРВЫЙ — «ЗАГЛУШЁННАЯ»</i>
Глава 1 — Задание
Глава 2 — Граница
Глава 3 — Первая встреча
Глава 4 — Правила Двора
Глава 5 — Что ты чувствуешь?
Глава 6 — Допрос № 2. Лира
Глава 7 — Охота
Глава 8 — Артефакт
Глава 9 — Вечер без масок
Глава 10 — Резонанс
Глава 11 — Сделка
Глава 12 — Первое касание
Глава 13 — Чего ты боишься?
<i>АКТ ВТОРОЙ — «РЕЗОНАНС»</i>
Глава 14 — Союзник поневоле
Глава 15 — Нира
Глава 16 — Обучение
Глава 17 — Что показывают зеркала
Глава 18 — Флэшбек. Протокол допроса № 4
Глава 19 — Праздник Грехов
Глава 20 — Утро
Глава 21 — Заговор
Глава 22 — Лира приезжает
Глава 23 — Цена
Глава 24 — Гибель Лир
Глава 25 — Ярость
Глава 26 — Протокол допроса № 5
Глава 27 — Слияние
Глава 28 — После
Глава 29 — Эйдан
<i>АКТ ТРЕТИЙ — «ВЫБОР»</i>
Глава 30 — Архив
Глава 31 — Кассиан и правда
Глава 32 — Три фракции
Глава 33 — Допрос № 5 (финальный)
Глава 34 — Альянс
Глава 35 — Ночь перед
Глава 36 — Инквизиция
Глава 37 — Ядро
Глава 38 — Эйдан падает
Глава 39 — Новый договор
Глава 40 — Двор на двоих
Эпилог — Протокол допроса № 6

Мир Аэтерии: краткий глоссарий

Резонанс— магическая система Аэтерии. Магия питается эмоциями: чем сильнее и чище переживание, тем мощнее воздействие. У каждого человека в груди, приблизительно там, где сходятся рёбра, существует эмоциональное ядро — средоточие его внутренней силы. Ядро можно заглушить, подавить, выжечь — но нельзя уничтожить полностью. Оно дремлет, как угли под пеплом.

Инквизиция— главенствующая религиозно-политическая организация Аэтерии. Её инквизиторы обучены заглушать собственные ядра и подавлять чужие — считается, что это делает их неуязвимыми для магии Дворов. Носят серые плащи с серебряной окантовкой. Иерархия: послушники, рядовые (1–2 ранг), старшие (3–5 ранг), командоры, Верховный Инквизитор.

Слияние— высший акт магии в мире Резонанса. Два ядра соединяются добровольно и необратимо: партнёры начинают ощущать присутствие друг друга на краю сознания — не мысли, не слова, лишь тёплое эхо. Нарушить Слияние можно только смертью одного из участников. Именно поэтому Инквизиция объявила его вне закона.

Семь Дворов— независимые государства-анклавы, каждый из которых соответствует одному из семи грехов и обладает уникальной магией:

- *Двор Похоти*(алый и золотой). Магия соблазна и желания. Лорд — Кассиан Ро.
- *Двор Гордыни*(белый и серебряный). Магия иллюзии совершенства.
- *Двор Гнева*(чёрный и багровый). Магия разрушения и защиты.
- *Двор Зависти*(зелёный и медный). Магия копирования и трансформации.
- *Двор Чревоугодия*(янтарный). Магия исцеления и насыщения.
- *Двор Уныния*(серый и фиолетовый). Магия времени и памяти.
- *Двор Алчности*(тёмно-синий). Магия артефактов и накопления.

Печать Основания— древний магический договор, поддерживающий равновесие между Дворами. Не оружие и не источник власти — скорее замок, который держит семь ключей одновременно. Для перезапечатывания требуются два ядра разной природы, вошедших в добровольное Слияние.

Нулевое ядро— официальный статус, присваиваемый тем, чьё эмоциональное ядро заглушено настолько полно, что не регистрируется стандартными методами Инквизиции. Кэйра Вейн считалась единственным нулевым ядром в истории организации.

Пролог. Протокол допроса № 1

«Измена — это когда предают того, кто этого заслуживал.

Остальное называется прозрением.»

Трибунал Инквизиции. Зал Б-7. Год 1247 от Разделения, 14 день месяца Таяния.

Дело № 0091-В. Обвиняемая: Кэйра Вейн, инквизитор 3-го ранга (бывший).

*Присутствуют: три члена Трибунала (Центральный, Левый, Правый). Писарь. Охрана.
[ЗАПИСЬ НАЧАТА]*

Комната не имела окон.

Это было первое, что Кэйра зафиксировала, когда её ввели — не потому что темнота пугала её или казалась угрозой, а просто потому что она всегда, первым делом, искала выходы. Привычка. Профессиональный рефлекс, отточенный годами работы в самых разных местах: в подвалах торговцев контрабандой, в тайных библиотеках еретиков, в замках, чьи стены умели слышать. Она искала выходы — и находила их, или убеждалась, что их нет. Так было спокойнее.

Здесь выходов не было. Только одна дверь — та самая, через которую её привели. Стены из серого камня с едва различимыми рунами подавления, выгравированными в кладке через каждые пол-локтя. Потолок — низкий, тяжёлый, словно давящий сверху. Стол из тёмного дерева, три стула за ним, один стул перед ним — её стул. Единственный источник света — магический шар в центре потолка, дающий холодное белое свечение без теней.

Кэйра опустила на стул и положила скованные руки на колени. Цепи были инквизиторские — с рунами, которые она сама умела накладывать. Руническая сталь, специально заряженная против Резонанса: она не могла использовать ядро, пока носила их. Теоретически. Кэйра покосилась на цепи с лёгким, профессиональным интересом человека, изучающего знакомый инструмент с другой стороны, и решила пока не проверять, насколько «теоретически» соответствует «практически».

За столом сидели трое. Серые мантии с капюшонами, надвинутыми достаточно глубоко, чтобы лица оставались в тени. Трибунал. Центральный — тот, что сидел посередине — был крупнее двух других, и именно он держал папку с бумагами. Левый что-то записывал. Правый просто смотрел на неё — неподвижно, как статуя.

Кэйра смотрела прямо перед собой. Спина — прямая. Руки — спокойны. Дыхание — ровное. Она умела сидеть именно так: как будто комната, цепи и три фигуры в капюшонах — всего лишь фон, а она — центр, вокруг которого всё это существует.

Центральный кашлянул — негромко, обозначая начало.

— Кэйра Вейн, — произнёс он. Голос у него был низкий, без интонации, словно специально выровненный. — Инквизитор третьего ранга. Приписана к Северному отделению, восемь лет действующей службы. Личный рекорд раскрываемости — девяносто четыре процента. Ни единого взыскания за всё время работы. — Пауза. — До последнего месяца.

Кэйра молчала. Ждала.

— Трибунал предъявляет вам следующие обвинения, — продолжил Центральный, разворачивая первый лист. — Первое: государственная измена в особо тяжкой форме, выразившаяся в сотрудничестве с одним из Дворов в обход официального соглашения между Инквизицией и Советом Дворов. Второе: уничтожение имущества Инквизиции — архивных

документов категории «строго секретно» в количестве сорока семи единиц. Третье: применение запрещённой магии Резонанса против сотрудников Инквизиции, повлёкшее тяжкий вред здоровью троих офицеров и смерть шестерых. — Он поднял взгляд. Кэйра поняла, что он смотрит на неё, даже не видя его глаз. — Четвёртое: добровольное вступление в Слияние с Лордом Двора Похоти Кассианом Ро — что согласно Уставу Инквизиции, параграф семнадцать, является нарушением служебного долга, несовместимым с дальнейшим прохождением службы.

Тишина. Писарь скрипел пером. Правый всё так же смотрел неподвижно.

— Понимаете ли вы предъявленные обвинения? — спросил Центральный.

— Да, — сказала Кэйра.

— Признаёте ли вы себя виновной?

Долгая пауза. Не потому что она сомневалась. Потому что думала, с какого конца начать объяснение.

— Это зависит от того, — произнесла она наконец, — что именно вы считаете виной.

Центральный положил папку на стол.

— Тогда начнём сначала, — сказал он. — Вопрос первый: когда именно вы предали Инквизицию?

Кэйра чуть наклонила голову. Уголок её рта дрогнул — почти незаметно, но достаточно, чтобы Правый, сидевший ближе всего к левой стороне, чуть подался вперёд.

— Я не предавала Инквизицию, — сказала она спокойно. — Я наконец увидела, что именно защищала.

* * *

Она позволила себе секунду — только секунду — смотреть не на стол Трибунала, а чуть выше, в угол между стеной и потолком, где руны были гуще всего. Инквизиция строила свои допросные комнаты по одному принципу: подавить, изолировать, заставить молчать то, что живёт внутри. Руны на стенах не просто подавляли магию — они давили на само ядро, создавая постоянный тихий шум, похожий на звон в ушах после удара. Большинство людей не замечали этого шума сознательно, но подсознательно начинали нервничать, торопиться, говорить лишнее.

Кэйра замечала. И молчала.

Она знала эти комнаты наизусть — знала, как пахнет их воздух: пыль, немного тухлой воды из плохо вентилируемых стен, и поверх всего — едва уловимая металлическая нотка рунической стали. Запах Цитадели. Запах дома, который она носила с собой восемь лет, как носят старый шрам — не думая о нём, но зная, что он есть.

Сейчас она думала о другом запахе. Смолистом, тёплом, чуть горьковатом — как старые книги и свежий воск свечей одновременно. О запахе, который ни разу не встречала в Цитадели — потому что Цитадель не позволяла себе ничего тёплого.

Центральный что-то говорил. Кэйра вернулась к нему взглядом и слухом — ровно, без спешки — и приготовилась отвечать.

Она умела быть терпеливой. Её учили терпению с семи лет.

Разница была только в том, что раньше она не знала — зачем именно её учили. Теперь знала.

И это меняло всё.

Глава 1. Задание

Деревня Эрм пахла золой и тем особенным запахом — тяжёлым, сладковатым, — который Кэйра научилась узнавать на третьем году службы. Запах, который не встречается нигде, кроме мест, где люди умерли быстро и в большом количестве.

Она шла по улице не спеша — привычным, равномерным шагом, — и считала. Первые тела она обнаружила у колодца: мужчина лет сорока, в нагрудник кузнеца, и рядом — девочка, которой не было и десяти. Они лежали так, словно просто устали и прилегли отдохнуть, если бы не то, как были сложены их руки — слишком правильно, слишком симметрично. Магия оставляла такие следы: люди, умершие от воздействия Двора Похоти, погружались в предельное расслабление — их тела теряли всё мышечное напряжение разом, как ткань, с которой срезали нитки.

Кэйра присела на корточки рядом с кузнецом. Достала из-за пояса небольшой деревянный стержень — реактив, пропитанный раствором, реагирующим на следы Резонанса. Поднесла к открытой ладони мужчины. Стержень медленно окрасился алым — насыщенным, тёмно-красным.

Двор Похоти.

Она встала, убрала стержень и продолжила идти.

Двадцать три тела. Столько значилось в донесении, пришедшем в Северное отделение позапрошлой ночью. Кэйра проверила каждое — не потому что не доверяла писарю, составившему донесение, а потому что привыкла проверять самостоятельно. Данные, проверенные лично, не врут. Данные из чужих рук — иногда врут, а иногда просто ошибаются, что почти так же опасно.

Двадцать три — подтвердилось. Возраст от восьми до шестидесяти трёх. Пол — разный. Общего между ними — только деревня, и то, что все они умерли в одно и то же время, ночью, от трёх до пяти часов по местному времени, судя по тому, как застывали тела.

Кэйра остановилась посреди главной улицы и несколько секунд просто смотрела.

Никакого хаоса. Никаких следов борьбы — ни перевёрнутой мебели, ни разбросанных вещей, видных через открытые двери домов. Ни одного тела, которое лежало бы в позе, характерной для человека, пытавшегося убежать. Эрм умерла тихо, во сне или в чём-то очень похожем на сон, — и Кэйре это не нравилось. Массовые убийства из ярости, мести, конфликтов оставляли шум и хаос. То, что она видела, больше напоминало демонстрацию. Кто-то хотел, чтобы это нашли. Кто-то хотел, чтобы это выглядело именно так — как недвусмысленный знак.

Она достала блокнот и записала: *Цель — демонстрация, а не устранение. Жертвы выбраны случайно. Возможный мотив: послание Инквизиции.*

Закрыла блокнот. Убрала в нагрудный карман.

Через четыре часа она уже была в седле — путь от Эрма до Цитадели занимал почти сутки при хорошей дороге, а дорога сейчас была средней. Кэйра ехала молча, привязав лошадь рысью, и смотрела на горизонт, где серое небо сходилась с серой же равниной. Месяц Снегодержания — самый безрадостный из двенадцати: ни снега, ни солнца, только бесконечные низкие тучи и влажный холод, пробирающийся под одежду, как вода в трещину.

Она не думала о двадцати трёх телах. Думать о них сейчас было бесполезно: эмоции не добавляют информации, а лишь замутняют то, что уже собрано. Она думала о реактиве — о том, как быстро он окрасился. Слишком быстро для следа, оставленного несколько дней назад. Это означало или очень мощное воздействие, или что убийство произошло не более двух суток назад, а не четырёх, как указывалось в донесении.

Или — донесение намеренно задержали.

Кэйра записала это в блокнот, не останавливая лошадь, и поехала дальше.

* * *

Цитадель Инквизиции стояла на плоском возвышении в центре Северного плато — не красиво и не величественно, а именно так, как строят здания, главной задачей которых является функция, а не вид. Серый камень, узкие окна-бойницы, три кольца стен с воротами, охраняемыми постоянно. Флаг — серый, с серебряной рунической вязью, означавшей примерно «порядок через подавление», хотя официальный перевод звучал иначе: «защита через силу».

Кэйра сдала лошадь конюху, прошла через двойной контроль на воротах — рутинно, не задерживаясь, её знали в лицо, — и направилась прямо в главный корпус. Не переодеваться, не есть, хотя с утра во рту ничего не было. Сначала — доклад. Потом всё остальное.

Кабинет Верховного Инквизитора находился на четвёртом этаже, в восточном крыле. Кэйра поднялась по лестнице — широкой, с перилами из кованого железа, — прошла мимо секретаря, который успел сказать что-то вслед, но она уже постучала в дверь, не дожидаясь его слов.

— Войдите, — произнёс голос внутри.

* * *

Эйдан Краус был из тех людей, которые занимают пространство не объёмом, а весом. Ему было около пятидесяти на вид — хотя инквизиторы высоких рангов умели замедлять некоторые процессы старения за счёт контроля над ядром, так что реальный возраст мог быть другим. Высокий, сухощавый, с прямыми плечами и коротко стриженными седыми волосами. Лицо — ровное, почти скучное, если бы не глаза: тёмно-серые, очень внимательные, из тех, что смотрят на вас так, словно читают текст, напечатанный где-то у вас за лопатками.

Он стоял у окна, когда Кэйра вошла. В руках — папка, которую он, судя по всему, успел закрыть за секунду до её прихода.

— Вейн, — сказал он. — Быстро.

— Дорога была короткой, — ответила она, подходя к столу и не садясь: он тоже не предложил. — Двадцать три тела, как и в донесении. Воздействие Двора Похоти подтверждено реактивом. Скорость реакции указывает на убийство не позднее, чем сорок восемь часов назад — не девяносто шесть, как датировано донесение.

Эйдан посмотрел на неё.

— Ты хочешь сказать, что донесение опоздало.

— Я хочу сказать, что донесение могло быть задержано намеренно. Либо кем-то в цепочке передачи, либо на месте — у человека, составлявшего его. — Она достала блокнот, раскрыла на нужной странице, положила на стол. — Кроме того: никаких следов борьбы. Абсолютно никаких. Это не нападение на деревню, Верховный Инквизитор. Это демонстрация.

Молчание. Эйдан смотрел на страницу блокнота — не торопясь, методично.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Садись.

Это была другая интонация. Не «ты выполнила задание», а «то, что ты сказала, имеет значение». Кэйра различала эти две интонации в его голосе ещё с тех пор, когда ей было семнадцать и она проходила у него первичную подготовку. Она села.

Эйдан вернулся к столу. Сел напротив. Папку, которую держал в руках, когда она вошла, положил в ящик — и не открыл его. Просто убрал с видимого пространства.

— Двор Похоти, — сказал он. — Не впервые за этот год. — Пауза. — У нас есть основания полагать, что внутри Двора происходит что-то, чего Лорд либо не замечает, либо позволяет происходить. Возможно — третья сторона, использующая магию Похоти как прикрытие. Возможно — внутренний раскол.

— Какая именно третья сторона? — спросила Кэйра.

— Это выяснить и нужно. — Он сложил руки перед собой. — Нам нужен человек внутри Двора. Не шпион в классическом смысле: у Кассиана Ро репутация человека, который читает

желания, — а значит, классический агент будет раскрыт в течение недели, не позже. — Взгляд его задержался на ней чуть дольше, чем обычно. — Нам нужен кто-то с нулевым ядром.

Пауза. Кэйра поняла, куда он клонит, примерно за три секунды до того, как он произнёс следующую фразу. Она не показала этого.

— Ты единственный подтверждённый нулевой в действующих рядах, — сказал Эйдан. — Теоретически — ты невидима для его магии.

— Теоретически, — повторила она. — Какова официальная легенда?

— Кэйра Солен. Дворянского происхождения, из провинции Эйст. Незначительное ядро — зарегистрированное, неопасное, без военной подготовки. Вдова. Ищет место при дворе — таких там достаточно. — Он открыл ящик стола — другой ящик — и достал папку, на этот раз тонкую. Положил перед ней. — Документы уже готовы.

Кэйра не взяла папку сразу. Смотрела на неё одну секунду — именно одну.

— Что именно я ищу?

— Артефакт. — Голос Эйдана стал чуть ровнее, чуть суше. — Нам стало известно, что в подвальных ярусах Двора Похоти хранится предмет, представляющий значительную угрозу для стабильности Аэтерии. Предположительно — связан с договорной системой между Дворами. Тебе нужно подтвердить существование, установить местонахождение и по возможности обеспечить доступ.

— Название артефакта?

Пауза. Короткая — но она была.

— Печать Основания. — Он произнёс это так же, как произнёс бы «стол» или «бумага». — Договорной артефакт периода первого объединения. Считается утраченным. Наши источники говорят — нет.

Кэйра взяла папку. Раскрыла. Просмотрела — методично, страница за страницей. Документы были сделаны хорошо: она умела определять подделки, и эти не подделка — это архивная легенда, выстроенная так аккуратно, что при поверхностной проверке не поднимет ни одного флага.

— Срок? — спросила она.

— Не оговаривается. Работаешь столько, сколько потребуется. Связь — через курьерскую линию кодом «Осока». — Он встал. — Выезд послезавтра. Вопросы?

Вопросы были. Их было несколько, и они касались того, почему документы уже готовы до разговора с ней, и почему папка лежала в ящике, который он убрал, когда она вошла, — то есть была там до её доклада по Эрму. Кэйра эти вопросы не задала.

Она встала. Взяла папку под мышку.

— Нет, — сказала она.

— Хорошо, — кивнул Эйдан. — Ты свободна.

Она уже дошла до двери, когда он добавил — негромко, почти в сторону, но она слышала каждое слово:

— Будь осторожна. Кассиан Ро — не то, чем кажется.

Кэйра не обернулась.

— Никто из них не то, чем кажется, — сказала она и вышла.

* * *

Той ночью она сидела в своей комнате — маленькой, стандартной, как у всех инквизиторов третьего ранга: кровать, стол, шкаф, одно окно с видом на внутренний двор — и смотрела на документы разложенными перед ней. Кэйра Солен. Тридцать лет. Вдова военного чиновника из провинции. Одна родственница в Верхнем Торге, которая «рекомендовала» её Двору — родственница была реальной, завербованной информаторшей Инквизиции, так что если Кассиан проверит — ниточка потянется в правильную сторону.

Всё было продумано. Всё было аккуратно.

Именно это её и беспокоило.

Кэйра не боялась заданий — она выполнила их больше сотни. Она не боялась Дворов — работала вблизи трёх из семи. Она не боялась Лорда Похоти, о котором знала достаточно, чтобы выстроить правильную дистанцию.

Что беспокоило — это то, что Эйдан знал о её «нулевом ядре». Знал всегда, с первого дня её службы. И никогда прежде не использовал это как довод для задания. Почему сейчас?

Она перевернула папку вверх дном. Между последней страницей и обложкой лежал маленький, почти незаметный листок — вставленный туда позже, другой рукой. Кэйра развернула его. Там был только один вопрос, написанный без подписи:

«Ты доверяешь мне, Кэйра?»

Она долго смотрела на него.

Потом свернула, поднесла к свече — и дала бумаге догореть до пепла в тарелке на столе.

Это был не вопрос. Это было напоминание. И напоминания, которые нужно сжигать — всегда немного страшнее честных вопросов.

Она загасила свечу. Легла. Закрывает глаза.

Внутри — как всегда — было тихо. Ровно и пусто, как комната без окон. Никаких эмоций, которые могли бы выдать её при сканировании. Никакого ядра, которое могло бы откликнуться на чужую магию. Нулевое, официально подтверждённое.

Ровно. Пусто. Тихо.

Кэйра Вейн заснула — и ни о чём не думала.

Глава 2. Граница

Граница между землями Инквизиции и территорией Двора Похоти пролежала по реке Орн — широкой, медленной, тёмной даже в ясный день, потому что берега были заросли ивами, чьи ветви свешивались в воду так густо, что свет проходил сквозь них с трудом. Мост через Орн был один: каменный, старый, с полустёртыми рунами на перилах — не защитными, как в Цитадели, а церемониальными, из тех, что ставят при закладке чего-то важного и потом забывают об этом через пару поколений.

Кэйра пересекла его ранним утром, когда туман ещё стоял над рекой плотными слоями и лошадь шла почти вслепую — осторожно, нащупывая камень под копытами. Она ехала одна. Легенда Кэйры Солен не предполагала сопровождения: небогатая вдова, путешествующая в надежде на место при дворе, сопровождения себе позволить не могла.

Когда копыта коснулись другого берега, что-то изменилось.

Это было не резко и не мгновенно — скорее как когдаходишь в комнату, где топят камин, после долгой прогулки на морозе: не обжигает, но тело начинает отмечать разницу в температуре раньше, чем разум успевает её зафиксировать. Воздух стал чуть плотнее. Чуть насыщеннее. Запах — смолы, цветущего чего-то, хотя цвести здесь было нечему в конце Снегодержания, — лёг на язык тонкой плёнкой, почти вкусом.

Кэйра остановила лошадь.

Посидела спокойно несколько секунд. Сосредоточилась на дыхании.

Ничего тревожного. Просто фон. Магический фон территории Двора — она читала о нём в отчётах, слышала описания от коллег, работавших близко. Магия Похоти пропитывала воздух и почву вокруг замка на расстоянии нескольких лиг — не агрессивно, не принудительно, просто *присутствовала*. Это называлось «аурой Двора» и было вполне документированным явлением.

Она тронула лошадь и поехала дальше.

Но через четверть часа остановилась снова.

Потому что что-то реагировало. Не снаружи — изнутри.

Где-то в груди — там, где Инквизиция официально зафиксировала «нулевое ядро», то есть ничего, тишину, пустоту — было что-то. Не вспышка, не импульс. Скорее — лёгкое, почти незаметное давление, как пальцем через толстую ткань: ты знаешь, что давление есть, но не чувствуешь его напрямую. Как будто что-то, что очень долго спало, почувствовало во сне тепло и чуть пошевелилось, не просыпаясь.

Кэйра сидела в седле и смотрела в туман перед собой.

Это было неправильно. Это было невозможно по всему, что ей было известно о её собственной природе.

Она убрала это в ту часть разума, которую профессионально использовала для временного хранения данных, требующих дальнейшей проверки. Убрала аккуратно, как убирают хрупкий предмет: поставила в угол, чтобы не разбить и не потерять. Занесла в мысленный список под пунктом «непонятное — проверить».

И поехала дальше.

* * *

Дорога через земли Двора была другой — не потому что лучше вымощена или шире, а потому что вдоль неё росло другое. Деревья здесь были старше и крупнее: дубы с обхватом ствола в три человеческих роста, ясени с кронами, которые смыкались над головой в живой свод. Мох покрывал корни толстыми, мягкими коврами. Птицы пели — в конце Снегодержания, когда в остальном мире птицы почти молчали — и их пение было необычным: медленным, как будто каждый звук немного тянулся за горизонт.

Кэйра ехала и наблюдала. Это было другой её привычкой: не просто фиксировать факты, но отмечать их качество. Качество здешней природы говорило о постоянном магическом воздействии — мягком, долгом, столетия назад вплавившемся в почву и кору. Магия Похоти, по теории, усиливала то, что уже есть: желание расти, тянуться к свету, цвести не в сезон. Деревья здесь, вероятно, стали такими именно поэтому: магия не насадила их и не вырастила — она позволила им вырасти больше, чем они могли бы без неё.

Интересная модель силы, автоматически подумала Кэйра. Не принуждение — усиление.

Она почти сразу поняла, что думает о магии Двора не с профессиональной настороженностью, а с чем-то, что могло бы быть любопытством, если бы она позволяла себе любопытство в рабочих обстоятельствах. Это тоже отметила. Убрала в тот же угол.

* * *

Первый пост стражи располагался на развилке дороги, там, где путь на север вёл к замку, а путь на восток — к прибрежным деревням, формально независимым, но де-факто живущим под защитой Двора. Стражники были в алом с золотом — цвета Двора Похоти были, по мнению Инквизиции, кричащими и легкомысленными, но вблизи ткань оказалась плотной, отлично пошитой, и не «кричала» ни о чём, кроме качества.

Их было двое. Оба — с короткими мечами и жезлами сканирования на поясе. Кэйра заметила жезлы раньше, чем они заметили её, — и вспомнила, что в легенде указан «незначительный, зарегистрированный» уровень ядра, а не нулевой. Именно поэтому Эйдан не просто заглушил её ядро по-инквизиторски, как обычно, а — как она поняла только сейчас, вспоминая краткий ритуал «подготовки», проведённый накануне отъезда — *подделал сигнатуру*. При сканировании жезл покажет слабый, устойчивый сигнал. Не ноль — это вызвало бы вопросы. Просто незначительное ядро.

— Стой, — сказал один из стражников, шагнув вперёд. — Имя, цель визита.

— Кэйра Солен, — сказала она ровно. — Ищу место при дворе. У меня рекомендательное письмо от Манны Дейс из Верхнего Торга.

Стражник протянул руку. Она достала письмо из кармана куртки. Он прочёл — неспешно, внимательно, что говорило о профессионализме — и вернул.

— Жезл, — сказал второй, уже с прибором наготове.

Кэйра не двинулась с места, пока он не поднёс жезл к её груди. Лёгкое тепло — почти незаметное. Жезл мигнул один раз тусклым розоватым светом.

— Зарегистрирована, — кивнул стражник. — Проезжай. Замок — прямо, лиги три. На въезде — доложи привратнику.

— Благодарю, — сказала Кэйра и тронула лошадь.

Только отъехав достаточно далеко, она позволила себе медленно, тихо выдохнуть. Не от страха — она не боялась. От очень конкретного профессионального удовлетворения: первая точка пройдена чисто.

* * *

Замок появился из-за поворота дороги, когда она не ждала — поворот был крутым, деревья стояли вплотную к обочине, и вдруг — пространство раздалось, деревья отступили, и впереди, на пологом холме, встал он.

Кэйра остановила лошадь и несколько секунд просто смотрела.

Она видела замки. Много замков — и Цитадель, которая была крупнее, и военные крепости приграничных районов, которые были тяжелее. Но Двор Похоти строили иначе — и это «иначе» сразу бросалось в глаза. Он не подавлял и не угрожал. Он был... органичным. Светлый камень — почти медовый, нагретый даже в пасмурный день — складывался в башни, которые не торчали вертикально, как оборонные пики, а слегка наклонялись друг к другу, как люди, ведущие тихий разговор. Окна были большие. Ворота — широкие, арочные, украшенные кова-

ным узором из переплетённых лозами и листьями. Вокруг — сад, сейчас спящий, но по форме кустов и деревьев угадывалось, что летом он был густым, продуманным, почти лабиринтным.

На башне — флаг. Алый, с золотой вышивкой. На вышивке — рисунок, который с такого расстояния она разобрать не могла, но знала по описаниям: переплетённые ладони, открытые вверх. Символ Двора, которому Инквизиция приписывала значение «похоть», а сам Двор переводил как «желание» — и настаивал, что это разные вещи.

Кэйра убрала это в тот же угол — «непонятное, требующее проверки» — и въехала в ворота.

Глава 3. Первая встреча

Аудиенцию с Лордом Двора Кэйра ожидала в тронном зале — это было стандартной процедурой. Привратник принял её письмо, сказал ждать, и она ждала в просторной прихожей с высокими потолками и стенами, увешанными гобеленами — не батальными сценами, как в Цитадели, а пейзажами: ночные сады, морское побережье в шторм, луговые цветы крупным планом, прорисованные с таким вниманием к деталям, что Кэйра непроизвольно задержала взгляд на третьем из них дольше, чем следовало бы.

Привратник вернулся через двадцать минут.

— Лорд Ро примет вас в библиотеке, — сказал он.

Кэйра молча поднялась и пошла следом.

Библиотека располагалась в западном крыле замка, на втором этаже: огромная, двусветная комната с галереей по периметру и стеллажами от пола до потолка. Стеллажи были из тёмного дерева — другого оттенка, нежели основной камень, — и книги на них стояли вперемешку, без видимой системы, хотя Кэйра сразу усомнилась в отсутствии системы: люди, владеющие такими библиотеками, всегда имеют систему.

Он стоял спиной к ней.

У окна — высокого, почти от пола до потолка, с видом на сад. Держал книгу. Читал — или делал вид, что читал. Кэйра отметила обе возможности одновременно и пока не стала выбирать между ними.

Он был высоким. Это она определила сразу: для высоты не нужно видеть лица. Тёмные волосы — чуть длиннее, чем принято у официальных персон, но не настолько, чтобы это выглядело небрежностью. Одет просто: тёмная рубашка, без знаков ранга, без украшений. Если бы она встретила его на рыночной площади, она бы не угадала.

— Кэйра Солен, — произнёс он, не оборачиваясь.

Голос у него был такой, каким должны быть голоса людей, привыкших к тишине: ровный, без лишней силы, хорошо слышный даже в полутоне.

— Да, — ответила она.

Он перевернул страницу. Прочёл строку — она была уверена, что именно прочёл, а не просто изобразил чтение. Потом закрыл книгу, вложив закладку точным движением, и поставил на ближайшую полку.

И обернулся.

Кэйра смотрела на него ровно — она умела смотреть ровно на что угодно, это входило в число базовых навыков инквизитора. Лицо у него было таким, о котором обычно пишут «красивое» и тут же теряются в описании, потому что красота эта была не в правильности черт, а в чём-то другом: в сочетании, в выражении, в том, как тёмно-карие глаза смотрели на неё — спокойно, внимательно — и не раскрывали ничего из того, что было за ними.

Он смотрел на неё секунду. Две. Три.

Потом его взгляд чуть изменился — не внешне, не в движении мышц, а в чём-то, что было за ним — и снова вернулся к нейтральному.

— Садитесь, — сказал он и указал на кресла у камина.

* * *

Они сидели по разные стороны небольшого столика, на котором, помимо двух чашек с чаем — принесённым тихим слугой ещё до того, как Кэйра успела сесть, — располагалась шахматная доска с расставленными фигурами. Партия была в процессе: несколько фигур отсутствовали, явно снятые.

Кэйра посмотрела на доску. Белые проигрывали — если она правильно считала ситуацию, а она считала её правильно.

— Играете? — спросил он.

— Немного, — ответила она.

— Немного — это как? — Он взял свою чашку. — «Знаю правила» или «могу составить партию»?

— Могу составить партию. — Пауза. — Белые проигрывают.

Он посмотрел на доску. Потом на неё.

— Это зависит от следующего хода, — сказал он.

— Нет. — Она позволила себе прямой тон — не дерзкий, именно прямой: тот, который Кэйра Солен могла бы позволить себе из уверенности в своём суждении, а не из желания спорить. — При любом следующем ходу белых — чёрные отвечают ладьёй на d4, и белые теряют ферзя. После этого — четыре хода до мата.

Молчание.

Кассиан Ро поставил чашку на стол. Посмотрел на доску долгим, внимательным взглядом.

— Вы правы, — сказал он.

Это прозвучало не как уступка. Скорее как констатация — такая, за которой обычно следует что-то ещё. Кэйра ждала.

— Вы приехали из Верхнего Торга, — сказал он. Не спросил.

— Да.

— Манна Дейс рекомендовала вас как женщину с хорошим образованием и не лучшими финансовыми обстоятельствами.

— Точно.

— При этом, — он снова поднял взгляд на неё, — вы сидите так, как сидят люди, прошедшие военную или специализированную подготовку. — Пауза. — И смотрите так, будто каждую секунду обновляете список всего, что находится в комнате.

Кэйра не изменилась в лице.

— Бывший муж был военным, — сказала она. — Восемь лет рядом с человеком накладывают привычки.

Он смотрел на неё. В его взгляде было что-то — она пыталась подобрать слово. Не подозрение. Не интерес. Что-то более тонкое — как взгляд человека, пытающегося прочесть текст, написанный симпатическими чернилами, зная, что текст есть, но не имея реагента.

— Любопытно, — произнёс он тихо. Почти себе под нос.

— Что именно? — спросила она.

— Это не важно. — Он встал — плавно, без усилия. — Нира покажет вам комнату. Испытательный срок — две недели. Задачи — по профилю: образованный персонал всегда востребован. — Он снова посмотрел на неё — коротко, последний раз. — Добро пожаловать в Двор, госпожа Солен.

Он прошёл мимо неё к выходу. На расстоянии двух шагов — она это отметила не как число, а как *ощущение*: что-то, что не обозначалось стандартными инквизиторскими категориями восприятия, но было — тепло. Лёгкое, едва уловимое. Исходящее от него или от пространства вокруг него, она не успела определить.

Он вышел. Дверь закрылась тихо.

Кэйра осталась стоять у камина ещё несколько секунд.

Потом развернулась и осмотрела комнату — методично, быстро, угол за углом.

И поняла — только сейчас, ровно сейчас, а не когда он смотрел на неё этим непрочитываемым взглядом: *он знал с первой секунды*.

Не что именно — но что что-то не так. Он смотрел на неё так, как смотрят на задачу, решение которой уже известно, но ещё не озвучено.

Кэйра занесла это в блокнот — мысленно, без бумаги.

Задание усложнилось.

Это была не плохая новость. Просто — другая.

Глава 4. Правила Двора

Нира нашла её в коридоре у дверей отведённой комнаты — Кэйра ещё не успела войти, стояла, читая инструкцию, прикреплённую к косяку (для новых гостей, кратко: расписание трапез, расположение общих залов, имя слуги по запросу). Нира появилась из-за угла быстро, почти бесшумно, и Кэйра услышала её только потому, что научилась слышать людей раньше, чем они появляются.

— Госпожа Солен? — Голос у Ниры был лёгкий, с чуть певучим акцентом — южным, откуда-то с побережья. — Я Нира. Лорд попросил меня ввести вас в основные правила Двора.

Кэйра повернулась. Нира была молодой — лет двадцати пяти, может, двадцати шести. Рыжие волосы, убранные в сложную косу, зелёные глаза с тем особым качеством внимания, которое Кэйра умела распознавать: это были не просто красивые глаза, это были глаза человека, который замечает больше, чем говорит. Платье — алое, хорошего сукна, с золотой вышивкой по вороту. Придворная одежда, носимая так, словно в ней родились, — ни скованности, ни нарочитости.

— Слушаю, — сказала Кэйра.

Нира кивнула — профессионально, быстро — и указала на дверь.

— Лучше внутри. Разговор не короткий.

* * *

Комната была лучше, чем Кэйра ожидала: просторная, с высоким потолком и окном в сад. Кровать с балдахином, рабочий стол, книжный шкаф с несколькими десятками книг — явно отобранных, не случайных. Камин уже горел.

Они устроились у камина — Нира на маленьком диване, Кэйра на стуле напротив, потому что стул давал возможность видеть одновременно и собеседника, и дверь.

— Правила Двора, — начала Нира без лишних вступлений. — Их пять. Они не записаны ни в одном уставе, но нарушение любого из них влечёт последствия, которых вы предпочтёте избежать. Первое. — Она подняла один палец. — Не скрывать желания перед Лордом.

Кэйра подняла бровь — очень чуть.

— Это не означает — говорить вслух всё, чего вы хотите, — пояснила Нира спокойно. — Это означает: не строить активных ментальных барьеров против сканирования его магии. Он не читает мысли. Он чувствует направление и интенсивность желания — не содержание. Попытки заблокировать его он ощущает сразу, и это воспринимается как агрессия. Большинство людей этого не делают намеренно — просто держите в голове, что это правило существует.

Кэйра кивнула. Отметила про себя: это первое и главное правило означает, что нулевое ядро — или то, что он воспринял бы как нулевое — уже нарушает негласную норму, просто существуя. Интересно, как он отреагировал, когда пытался прочитать её в библиотеке — и не смог.

— Второе, — продолжила Нира. — Ничего против воли. Это абсолютное правило, без исключений. Магия Двора не используется для принуждения — ни к чему, ни при каких обстоятельствах. Если кто-то нарушает это — выдворяется немедленно. Лорд лично отслеживает нарушения.

— Лично?

— Он всегда чувствует, когда в пространстве Двора используется принуждение. — Нира сказала это без интонации особого значения, как констатацию. — Его аура покрывает весь замок и сад. Третье: никакой магии против своих. Использование Резонанса в качестве оружия против членов Двора — основание для немедленного лишения статуса и, в тяжёлых случаях, для нейтрализации ядра. Нейтрализация — это не то, что вы захотите пережить. — Пауза. — Четвёртое: конфиденциальность. Что происходит внутри Двора — остаётся внутри Двора.

Это касается личных историй, ритуалов, финансов и особенно — способностей и уязвимостей отдельных членов. Вы вольны рассказывать о Дворе снаружи в общих чертах, но любая конкретика без разрешения — нарушение.

Кэйра слушала и думала: *это удобно для Инквизиции — формально, нарушение одного лишь слова конфиденциальности уже делает из любого агента преступника по законам Двора. Неплохая защита.*

— Пятое, — сказала Нира, и в её голосе появилась первая интонация — лёгкое предупреждение, не угроза, именно предупреждение. — Традиция первого вечера. Каждый новый гость Двора проводит первый вечер в Главном зале — на приёме. Это не факультативно. Вы наблюдаете, вас наблюдают. Никаких обязательств, никаких ритуалов — только присутствие. Лорд там будет. Большинство постоянных обитателей — тоже.

— Сегодня вечером? — уточнила Кэйра.

— Сегодня вечером. — Нира встала. — Ужин в восемь. Одежда — в шкафу, там подобрано несколько вариантов. Если что-то не подойдёт — скажете, принесу другое.

Она направилась к двери, но у порога остановилась — не потому что забыла что-то, а потому что решила добавить. Кэйра это различила.

— Госпожа Солен. — Нира обернулась. — Большинство людей, впервые попадающих сюда, ожидают чего-то... пугающего. Или нарочито провокационного. — Небольшая пауза. — Двор Похоти — не публичный дом. И не пытка соблазном. Это место, где желания считаются частью человека, а не его слабостью. Это разные вещи. Просто — имейте в виду.

Она ушла.

Кэйра смотрела в закрытую дверь несколько секунд.

Потом открыла блокнот и записала под пунктом «наблюдения»: *Нира умнее, чем хочет казаться. Предупреждение в конце было выбором, не протоколом. Зачем? Проверяет реакцию? Или действительно считает важным?*

Закрыла блокнот.

Подошла к окну.

Сад за стеклом был спящим — серым и голым в конце зимы, — но в его структуре угадывалась сложная, продуманная система: дорожки из светлого камня, низкие живые изгороди, скамейки в нишах между кустами. Место, где можно ходить одному и встречать людей, когда захочешь, и не встречать, когда не захочешь. Место с выборами.

Кэйра открыла шкаф. Выбрала тёмно-синее платье — наименее алое из всего предложенного, с простым кроем, который позволял двигаться свободно. Это был выбор Кэйры Вейн, а не Кэйры Солен, но Кэйра Солен не была глупой и в такой одежде чувствовала бы себя так же — она вписала это в легенду мысленно и приняла.

* * *

Приём в Главном зале был негромким — не в смысле звука, а в смысле интенсивности. Никакого оркестра, никакого демонстративного веселья. Музыканты — двое, с лютней и флейтой — играли в дальнем углу что-то медленное. Свечи горели везде: в канделябрах, на столах, в нишах стен. Свет был тёплым и делал всех присутствующих чуть лучше — не красивее, именно лучше, словно сгладил лишние углы.

Людей было человек сорок.

Кэйра встала у стены неподалёку от входа и начала делать то, что умела лучше всего: наблюдать.

Двор был странным местом. Не потому что здесь происходило что-то из ряда вон выходящее, а потому что атмосфера была... расслабленной. Не в смысле беспечности — в смысле отсутствия тех невидимых нитей напряжения, которые Кэйра привыкла ощущать в любом помещении с более чем десятью людьми. Здесь люди говорили с людьми. Смеялись — негромко, искренне. Двое в углу спорили о чём-то с видимым удовольствием. Пожилая

женщина у камина вязала и слушала молодого мужчину, который рассказывал что-то, активно жестикулируя.

Обычные люди. Сложные, разные, с историями за плечами — она видела их по тому, как они держались, как прятали некоторые жесты и позволяли другие. Ни один из них не был «типичным придворным» в том смысле, в котором это слово использовали в Инквизиции — то есть пустым и опасным одновременно.

Кассиана в зале не было.

Она провела там два часа. Разговаривала с несколькими людьми — коротко, стандартные обмены «кто вы, откуда, зачем здесь», — и они разговаривали с ней без напряжения, без зондирования, без той осторожности, с которой обычно встречают нового человека в местах с политикой.

Потом Кассиан появился в дверях.

Он не вошёл шумно — просто вошёл. Но несколько человек посмотрели на него сразу: не потому что он жестом потребовал внимания, а потому что он был таким, на кого смотрят. Кэйра это отметила, потому что умела различать — когда смотрят из страха, из угодливости или просто потому, что человек обладает каким-то качеством, которое притягивает взгляд. Здесь было третье.

Он прошёл по залу — разговаривая с несколькими людьми по пути, коротко, внимательно, — и ни разу не посмотрел в её сторону.

Кэйра держала взгляд на нём дольше, чем требовалось для наблюдения, и поняла это — и убрала взгляд.

Записала в блокнот вечером: *Двор Похоти — место, где желания считаются частью человека, а не его слабостью. Нира, вероятно, права. Это требует дополнительной оценки.*

Глава 5. Что ты чувствуешь?

На четвёртый день он пришёл к ней.

Не в комнату — в библиотеку, которую она уже негласно сделала своим рабочим местом: там был хороший стол у окна, достаточно светло даже в пасмурные дни, и почти никто не приходил до полудня. Она читала — реально читала, не притворялась: одна из книг на полке оказалась историческим трактатом о периоде первого объединения Дворов, и это было прямо релевантно заданию. Она делала пометки.

Он появился у стеллажей — без объявления, беззвучно, как умеют ходить только очень высокие люди, научившиеся не занимать лишнего пространства. Снял с полки книгу, раскрыл на середине. Кэйра подняла взгляд.

— Не буду мешать, — сказал он. Не посмотрел на неё.

— Вы не мешаете, — ответила она ровно.

Он прошёл к другому краю стола — не напротив неё, а под углом — и сел. Читал несколько минут. Кэйра вернулась к своему тексту, но часть внимания — тонкая, профессиональная нить — осталась направлена на него.

— Вы уже три дня в Дворе, — сказал он наконец. — Как вам?

— Непривычно, — сказала она. Это было правдой — пусть и совсем не в том смысле, в котором он мог понять это слово.

— В каком смысле?

— Здесь тихо иначе, чем я ожидала. — Она отложила перо. — Я думала, что в Дворе Похоти будет... шумнее.

— Что значит «шумнее»?

— Больше... демонстративного.

Он отложил книгу и посмотрел на неё — впервые за весь разговор — прямо и без обиняков.

— Демонстративность — инструмент людей, которые не уверены в том, что имеют, — сказал он. — Нам незачем демонстрировать.

Пауза. Кэйра встретила его взгляд спокойно.

— Что вы чувствуете? — спросил он неожиданно.

— Сейчас?

— В принципе. Каждый день. — Он говорил без провокации — это было не нападение, это был вопрос, заданный так же прямо, как она сама задавала вопросы. — Большинство людей, которых я спрашиваю об этом, дают один из двух ответов: либо перечисляют эмоции как список покупок, либо уходят от темы. Редко кто отвечает на сам вопрос.

— А что, по-вашему, является ответом на сам вопрос? — спросила она.

Уголок его рта чуть дрогнул — не улыбка, начало улыбки, которую он не дал дойти до конца.

— Я пытаюсь понять, — сказал он тихо.

Он встал — и проходя мимо неё к выходу, остановился на секунду. Чуть ближе, чем того требовала ширина прохода. Она не двинулась. Он опустил взгляд — на её руку, лежащую на столе рядом с книгой.

И положил свою руку рядом — не касаясь, в нескольких сантиметрах. Просто — рядом.

Кэйра почувствовала тепло. Не от прикосновения — он не касался. От расстояния. От близости. Что-то в этом тепле было... нестандартным. Не зловещим, не тревожным. Просто — другим, чем обычно.

Он убрал руку. Вышел.

Кэйра посидела неподвижно несколько секунд.

Потом открыла блокнот на чистой странице и написала — совсем коротко:
Он проверял резонанс. Результат для него — нулевой. Для меня — нет.
Подчеркнула последние два слова. Закрыла блокнот.
Это был факт. Факты требовали объяснения, а не реакции.
Она вернулась к чтению.

Глава 6. Допрос № 2. Лира

Трибунал Инквизиции. Протокол № 2.

Продолжение допроса. Обвиняемая: Кэйра Вейн.

Центральный: Расскажите о Лире Сонн. Вашей связи с ней и её роли в произошедшем.

Вейн: Лира была

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.